

ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ

ПРОСТОЙ НОЖ

I

Волки появились, едва благородный олень упал. «Сколько же эти твари выслеживали нас?» — подумал Гейрмунн. Пущенная братом стрела застряла у оленя в боку. Раненое животное с ревом помчалось прочь, оставляя кровавый след. Погоня продолжалась довольно долго, пока олень не растянулся наконец на раннем снегу и не испустил дух. Его предсмертные крики и запах крови разносились по окрестным долинам и холмам. Для волчьей стаи они были родни зову боевого рога для воинов.

— Сколько их там? — спросил Хамунн.

Гейрмунн всматривался в лес, успевший подернуться сумеречной дымкой. Быстро темнело. Равнинные дубовые рощи, просматриваемые насквозь, давно сменились густым горным лесом, где могли скрываться любые хищники. Молчаливые стволы сосен и берез тонули во мгле, чем-то похожие на столбы усадебного дома, в который Гейрмунна с братом никто не приглашал. В этом доме не пылает очаг, не горят светильники из мыльного камня. Если у него есть хозяин — тролль или дух, — он не возьмет братьев под защиту.

— Я насчитал пятерых, — не дождавшись ответа, сообщил Хамунн.

И это лишь те волки, что захотели показаться. Гейрмунн выхватил меч, взяв в другую руку топор.

— А в лесу может прятаться вдвое больше.

— Прятаться? — хмуро переспросил Хамунн. — Тебя послушать, волки смекалисты, как разбойничья шайка.

— В каком-то смысле так и есть, — ответил Гейрмунн.

Он заметил вожака стаи — волчицу. Волчица словно нарочно выбралась на открытое место, желая заглянуть ему в глаза и убедиться, что ей все известно о нем и его брате. Шерсть на загривке стояла дыбом, шкура была цвета сплавного дерева. Волчица была велика, однако в ее стае имелись волки и покрупнее. Значит, ее правление основывалось не только на силе.

— Пусть эти волки и не плавают на ладьях, но они не уступают викингам.

Хамунн продолжал ухмыляться.

— Ты еще скажи, что они попытаются взять нас в клещи.

— Непременно попытаются.

Видя презрительную усмешку брата, Гейрмунн не выдержал:

— Если бы ты поменьше наливался элем и вместе с отцом поменьше поддакивал ярлам, то знал бы охотничьи повадки волков.

Хамунн перестал смеяться, но ничего не сказал. Гейрмунн знал почему. Какими бы правдивыми ни были его слова, старший брат-близнец спросит с него за оскорбление. Но не сейчас, ибо сейчас им грозит опасность. Часть волков приблизились к братьям на несколько шагов. Звери шли, пригнув головы, кривя губы и угрюмо рыча.

— Им нужен олень, — сказал Хамунн. — Пожалуй, стоит отдать добычу.

Гейрмунн посмотрел на убитого оленя — молодого самца, не успевшего побороться за стадо самок. Невзирая на раннюю зиму, олень еще не сбросил рога — крупные, пригодные для полезных поделок. Гладкая красная шкура не утратила шелковистого блеска. Да и мясо наверняка вкусное и сытное.

— И ты отдашь? — спросил Гейрмунн.

— А ты готов помереть из-за оленя, когда наши кладовые ломятся от мяса?

Гейрмунн призадумался. От усадебного дома в Авальсснесе братьев отделяли три дня пути. Их первоначальное

желание немного поохотиться на мелкую дичь быстро сменилось более честолюбивыми замыслами. Однако крупная дичь в их местах попадалась редко, и братья отправились вдоль Олфборда на северо-восток, после чего углубились в холмистую местность, что простиралась к юго-западу от селения Олунн, близ границы с Хордаланном. Но до селения — их единственного прибежища, если охота окажется неудачной, — было больше дня пути. Ветер не доносил до ноздрей Гейрмунна запаха дыма очагов. Только аромат деревьев и терпкий запах мокрой земли под снегом.

— Мы забрались сюда потому, что тебе захотелось добыть крупного оленя, — напомнил брату Гейрмунн.

— Но только не ценой моей жизни. Или твоей.

Гейрмунн был склонен согласиться с братом, но в этот миг вдруг снова появилась предводительница стаи: холодная и молчаливая, словно туман, наползающий со стороны Нифльхейма. Она подошла ближе, чем остальные волки. Потом так же быстро волчица скрылась из виду. Но Гейрмунн успел заметить в желтых глазах угли Муспельхейма¹, пламенное бесстрашие и голод не только к оленьему мясу. Волчица была знакома с двуногими охотниками и сама охотилась на них. Гейрмунн почувствовал безжалостную ненависть хищницы к двум людям, посмевающим вторгнуться в ее горы и лесные владения.

Однако здешние горы вовсе не принадлежали волчице, равно как и олень не был ее добычей, и ей надо это показать.

— Если мы убежим, они нас выследят и на ночлеге вцепятся в горло, — сказал Гейрмунн.

— Да брось ты, — отмахнулся Хамунн, но его слова звучали неубедительно.

— Могу побиться об заклад, что жители Олунна хорошо знакомы с этой волчицей.

¹ *Муспельхейм* — согласно германо-скандинавской мифологии, один из девяти миров, Огненная земля. (Здесь и далее примечания переводчика.)

— Если и так, то что?

Гейрмунн повернулся к брату.

— Они из Ругаланна и верны нашему отцу, — хмуро напомнил он. — А ты в один прекрасный день станешь их конунгом.

В ответ на упрек Хамунн выпрямился во весь рост. Гейрмунн поспешно замолчал, не став говорить брату, что сейчас на кон поставлена его честь и решается его судьба.

— Давай, брат. — Гейрмунн улыбнулся и вскинул руки, сжимавшие меч и топор. — Хочешь сражаться? Или предпочтешь договориться, предложив им оленя? — спросил он, кивнув в сторону волков. — Они с радостью предложат условия, да только не в нашу пользу.

Хамунн быстро снял со спины лук.

— Можешь удивляться, брат, но в странствиях я кое-чему научился. — Он вытянул из колчана стрелу и вложил в лук. — Например, я узнал, что с морем невозможно договориться, какие дары ему ни предлагай. Не надо быть охотником, чтобы понять: то же применимо и к волкам.

— Целься точнее, чем целился в оленя, — попросил Гейрмунн.

— Тогда отгоняй их от меня, чтобы не мешали.

Гейрмунн встал спиной к Хамунну. Братья широко расставили ноги и приготовились к бою. Волки начали ходить кругами, выискивая слабые места в обороне людей. Из волчьих пастей валил густой пар, растворяясь в воздухе. За это время заметно стемнело, что давало хищникам дополнительные преимущества.

Наконец двое волков с разных сторон бросились на людей. Гейрмунн услышал гнусавое пение тетивы, быстро сменившееся визгом. Пригнувшись, он взмахнул мечом. Волк метил в его левую руку, державшую топор. Гейрмунн взмахнул топором, ударив волка по левой передней лапе. Зверь отступил, хромая. Окровавленная лапа держалась на тонкой полоске кожи.

Гейрмунн обернулся через плечо. Волк, убитый братом, лежал, уткнувшись мордой в снег. Стрела вонзилась

в него между шеей и плечом. Меткий выстрел. Смерть наступила мгновенно.

— Отлично, брат, — похвалил Гейрмунн.

— Что с твоим?

— Отвоевался. Но нам...

К ним устремилось четверо волков. Еще трое или четверо ходили кругами, готовые прийти на подмогу сородичам. Хамунн выпустил стрелу и тут же потянулся за другой. В это время Гейрмунн замахнулся топором, метя в голову первому волку, готовившемуся атаковать брата. Хамунн выстрелил, но не совсем удачно. Раненый волк откатился назад, кое-как встал на лапы и снова упал. Тот, кого ударил Гейрмунн, тоже откатился и замер на снегу.

— Сзади! — крикнул Хамунн, натягивая лук.

Гейрмунн пригнулся, и сейчас же над ним просвистела стрела. Вслед за глухим ударом послышался визг, но Гейрмунну было некогда оборачиваться и смотреть. На него прыгнул четвертый волк. Гейрмунн не успел взмахнуть ни мечом, ни топором. Волк придавил его собой. Защелкали волчьи зубы. В ноздри ударило зловонное волчье дыхание. Гейрмунн выставил правую руку, прикрывая горло, и волк сейчас же ее схватил. Зубы впилась в плоть, прокусив кожаную и шерстяную одежду, а затем и кожу. Такие зубы способны перекусить кость.

Гейрмунн выпучил глаза и оглушительно заорал в волчьи уши. То же сделал и Хамунн. И вдруг волк дернулся и отпустил руку Гейрмунна. Зверь проковылял несколько шагов, цепляясь лапой за стрелу, торчащую из глаза. Хамунн бил вблизи, вонзив стрелу, как кинжал, а потому стрела не проникла в мозг и не убила волка наповал. Не сводя с волка взгляда, Хамунн выхватил другую стрелу и добил противника.

Раньше, чем Гейрмунн поднялся на ноги, к братьям, увидев узкую брешь в обороне, кинулся пятый волк. Скользя по снегу, оставляя кровавые следы, Гейрмунн кое-как встал, но не успел помочь брату. Волк вылетел на Хамунна, впился в правую руку и опрокинул на землю.

— Нет! — закричал Гейрмунн.

Он не мог дотянуться до меча и потому бросился на волка с топором, держа топорище обеими руками. Ударив зверя по спине, Гейрмунн перерубил волку позвоночник. Волк взвыл и попытался убежать, волоча ставшие бесполезными задние лапы. Гейрмунн быстро оборвал его мучения и повернулся, готовый отразить новое нападение.

Но на братьев больше никто не нападал. Неожиданно для них битва с волками окончилась. Стая попросту исчезла — возможно, только на время, — бросив убитых и раненых сородичей. Подобрал с земли меч, Гейрмунн добил двоих волков, что еще корчились в судорогах и скулили от боли. Тогда-то он и заметил волка с почти отсеченной передней лапой — последнего, кто атаковал Хамунна. Даже страшная рана не помешала волку с еще большей свирепостью снова броситься в бой. А может, волк знал, что обречен, и решил встретить судьбу с оскаленной пастью. То и другое Гейрмунн счел проявлением доблести. Он опустился перед волком на колени, испытывая неподдельное восхищение, которое незаметно сменилось сожалением.

— Они ушли, — сказал Хамунн.

В словах брата ощущался вопрос.

Гейрмунн кивнул.

— Они вернутся?

— Непременно, — ответил Гейрмунн. — Но не сегодня.

— Как твоя рука?

— Покалечена.

Гейрмунн посмотрел на раненую руку и заметил что-то белесое, торчащее из рваного, окровавленного рукава. Поначалу он принял это за обломок кости, но вскоре понял, что ошибся. Это был всего лишь волчий зуб. Гейрмунн вытащил и подержал на ладони белый волчий клык с окровавленным корнем.

— Я буду жить, — сказал он и повернулся к пристально глядящему на него Хамунну.

Глаза брата еще сверкали угасающим неистовством битвы. Но на боку Хамунна расплывалось кровавое пятно.

— А ты? — спросил Гейрмунн.

Хамунн перевел взгляд с руки брата на свой бок.

— Я тоже буду жить. Кровь всегда усугубляет истинное положение вещей.

— Ты уверен?

Хамунн сглотнул ком в горле и кивнул, затем обвел взглядом поле битвы.

Другой рукой Гейрмунн коснулся волчьей туши, вдавив пальцы в густую шерсть. Под нею скрывалось отощавшее тело с выступающими ребрами.

— Эта стая сильно оголодала, — сказал он. — Уже и зубы шатаются.

Напавшие волки не были кровожадными, злобными или мстительными. Стая дошла до отчаяния. Однако Гейрмунн знал: это ничего не меняет. Он зажал в кулаке волчий зуб. Даже если вызов и гнев в глазах предводительницы стаи ему привиделись, земли Ругаланна оскудели добычей и не могли прокормить каждое брюхо. Бой и смерть были неминуемы.

Гейрмунн встал:

— Надо устроить привал. Развести костер, промыть раны и содрать шкуры со зверей. Утром двинемся в обратный путь.

Хамунн рассеянно кивнул. Солнце уже почти зашло. Последние светлые минуты братья потратили на расчистку места под костер и ночлег и рубку сухостоя. Гейрмунн подтащил волчью тушу к костровой яме. Хамунн взялся развести огонь и достал затейливо украшенное кресало, привезенное из совместного с отцом путешествия на восток, в финские земли. На сверкающей бронзовой рукоятке кресала были вырезаны фигуры двух всадников, мчащихся друг на друга. Но при всей внешней красоте кресало брата не давало таких искр, как простое стальное кресало Гейрмунна. Хамунн делал попытку за попыткой. Его удары кремнем были слабыми и бесполезными. Гейрмунн уже хотел вмешаться, когда над трутом появились струйки дыма. Хамунн медленно встал. Судя по всему, ноги плохо его держали.

— Ты неважно выглядишь, — сказал брату Гейрмунн.

Хамунн кивнул.

— Мне что-то... — Он не договорил.

— Садись. Сейчас осмотрю твою...

Словно рогожный куль, Хамунн повалился на землю. Гейрмунн подбежал к нему.

— Посмотри на меня, — потребовал он, похлопывая брата по бледной щеке. — Посмотри на меня!

Но глаза Хамунна тупо вращались под полузакрытыми веками.

Гейрмунн ощупал одежду на раненом боку брата: мокрую и отяжелевшую от крови. Тогда он ножом разрезал слой за слоем и обнаружил глубокую рану чуть ниже подмышки, откуда лилась кровь. Покусывая губы, Гейрмунн смотрел на рану, затем поспешил к костру. Он сунул лезвие топора в разгорающийся огонь и наполнил снегом чашу из мыльного камня. Чашу он оставил возле костра — греть талую воду, а сам вернулся к брату и, как мог, попытался остановить кровь, зажав рану ладонями.

— Ну и дурень ты, Хамунн, — прошептал он.

Вода быстро согрелась. Гейрмунн плеснул из чаши на рану, промывая ее. Потом вынул из огня топор и проверил, хорошо ли нагрелось лезвие, бросив на металл горсть снега. Снег зашипел и мигом испарился.

— Не знаю, слышишь ли меня сейчас, — сказал Гейрмунн, вставая над братом. — Но крепись, братец. Будет больно.

Он нагнулся, поднял руку брата, полностью обнажая раненое место, и плашмя приложил лезвие топора к ране. Хамунн застонал, но не вздрогнул, когда горячий металл обжег плоть. Над раной взвился дымок. Запахло паленым мясом. Гейрмунн чуть не задохнулся, хорошо зная, чем вызван удушливый запах.

Немного обождав, Гейрмунн отвел топор, успевший слегка прилипнуть к коже брата. Он облегченно вздохнул, увидев, что жуткая рана перестала кровоточить. Оставалось надеяться, что кровь не хлынет внутрь — в живот и под ребра Хамунна. Случись такое, он уже не сможет помочь брату. Гейрмунн свернул полотняный лоскут, вы-

лил туда остатки медовухи из бурдюка и приложил к ране, а чтобы лоскут не сполз и медовуха впиталась в рану, привязал руку Хамунна к боку.

— Теперь надо думать, как вытаскивать тебя отсюда, — сказал Гейрмунн, разглядывая туши убитых волков.

Он выбрал двух самых крупных зверей, среди которых был и волк с полуотсеченной лапой, и содрал с них шкуру. Делал он это старательно, но быстро, применяясь к походным условиям. Дома он бы обязательно расположил волкам животы и лапы, чтобы распластать куски шкур. Но для нынешнего замысла шкуры ему требовались целиком, что требовало времени, усидчивости и силы. Гейрмунн начал с лап, делая короткие надрезы, после чего принялся отделять шкуру от туши, будто снимал с ног задубевшие, сморщенные кожаные чулки. Порою приходилось наваливаться всем телом, чтобы сдернуть шкуру с окоченевшей туши. Невзирая на холод, Гейрмунн взмок от пота. Наконец в его распоряжении оказались два длинных мягких меховых колпака. Все тем же топором Гейрмунн срубил две молодые березы, стволы которых были толщиной с его руку. Стволы он перерубил пополам, укоротив все четыре части под рост брата. Затем разложил шкуры от носа до хвоста и в каждую засунул по два шеста. Когда Гейрмунн развел шесты, они натянули шкуры, образовав подобие саней: прочных, мягких и защищающих от холодного воздуха и снега.

Эти наспех сделанные сани Гейрмунн подтянул к брату и осторожно перекатил Хамунна на них. Туда же он положил лук и другое оружие брата, надежно все закрепив. Теперь можно было трогаться в путь.

Срываться с места ночью — опасная затея, но дожидаться утра было еще опаснее. Гейрмунна тревожили не столько волки, сколько состояние Хамунна. Брату требовался опытный лекарь, способный уберечь рану от загнивания. Чем раньше они доберутся до Авальсснеса, тем лучше. Любое промедление могло погубить Хамунна.

Туши, лишившиеся шкур, Гейрмунн оставил на случай возвращения волков. Он знал: голодные волки иногда не

брезгают мясом сородичей. Если нет, пусть попируют оленьей. Гейрмунн вырезал несколько крупных кусков на пропитание себе и брату в пути. Остальное пойдет волкам.

У Гейрмунна при себе была толстая веревка, которой он обычно связывал лапы убитых волков. Сейчас он соединил ею крест-накрест передние концы шестов. Получилось нечто вроде упряжи, которую он перебросил себе через грудь и плечи. Основная нагрузка приходилась на спину, оставляя руки свободными и позволяя выравнивать шесты и не давать саням западать набок. Впрягшись и сделав первый шаг, Гейрмунн едва не упал. Ему в общей сложности предстояло тащить раненого брата, две волчьи шкуры и березовые шесты.

— Тор, даруй мне силу, — прошептал Гейрмунн, стараясь устоять на ногах.

Еще через мгновение он двинулся в обратный путь.

Гейрмунн шел ночь, день, потом вторую ночь и второй день. В тех местах, где беспощадные веревки, словно лезвия топоров, врезались в плечи, мышцы онемели и утратили чувствительность. Ноги тоже онемели от тяжелого груза, а также от снега и льда. Одеревеневшая спина скрипела, как старый дуб, который непременно рухнет под натиском очередной бури. Концы шестов даже сквозь перчатки до крови царапали руки. В груди Гейрмунна все пылало — там, где вдыхаемый ледяной воздух встречался с огнем легких.

Наступил рассвет третьего дня. За минувшую ночь Гейрмунну наконец-то удалось спуститься с каменистых снежных гор. Теперь его путь пролегал по равнинам, чьи поля и луга доставляли меньше хлопот. Кое-где высокие травы, мокрые от дождя, служили прекрасной дорогой. Сани скользили по ним, позволяя Гейрмунну немного передохнуть.

Увы, передышки были недолгими.

Когда солнце поднялось на высшую точку неба, боль перестала донимать Гейрмунна, сменившись более беспощадным и опасным противником. Мышцы рук и ног дрожали от напряжения, суставы и связки ощущались стершимися и обвисшими. Если приступам боли он еще мог сопротивляться, собирая силы в кулак, то утомление обложило его со всех сторон, как крепость, и дожидалось, когда он исчерпает все резервы и наконец-то свалится. Гейрмунн знал: для противостояния осаде нужно выспаться,

но он старался как можно быстрее достичь Авальсснеса и шел почти без остановок. Во время кратких привалов он проверял состояние Хамунна, жарил оленину, кормил брата и сам проглатывал несколько кусков. Всего дважды он позволил себе немного подремать. Однако сейчас у Гейрмунна не оставалось иного выбора. Тело требовало отдыха.

Заметив прудик, блестящий в нескольких роздыхах впереди, окаймленный кустами орешника, Гейрмунн счел его подходящим местом для отдыха и направился к берегу. Там он опустил брата на землю и сам повалился на мокрые листья и раздавленные ореховые скорлупки. Его окутал влажный сладковатый запах гниющей растительности.

Прежде чем позволить себе сон, он в очередной раз проверил состояние Хамунна. Смуглое лицо брата оставалось бледным, но уже не таким горячим, что Гейрмунн счел добрым знаком. Хамунн находился в полусознательном состоянии. Иногда он погружался в крепкий сон, иногда что-то бормотал и выкрикивал. Гейрмунн считал это благом, иначе Хамунн страдал бы от боли и тягот пути. Во всяком случае, пока это Гейрмунна не тревожило. Он и сейчас не стал будить Хамунна. Гейрмунн поднял якорь своего разума и отдался потоку сна, не зная, куда тот его унесет. Когда же он снова открыл глаза, вокруг было темно, а сам он дрожал от холода.

С пробуждением вернулась и боль, но Гейрмунн встретил ее спокойно и достойно. Отдых укрепил его силу воли. Стуча зубами, он встал и набрал хвороста на костерок, рассчитывая при свете пламени еще раз взглянуть на брата, а заодно согреться перед продолжением пути. К своему удивлению, Гейрмунн обнаружил, что Хамунн проснулся и наблюдает за ним.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Гейрмунн, подходя к брату.

— Весь чешусь. В волчьих шкурах полным-полно блох. — Хамунн попытался улыбнуться. — Было бы недурно справиться большую и малую нужду.

Гейрмунн усмехнулся и ослабил ремни, удерживающие брата на санях, после чего помог Хамунну встать.

— Помни про руку. Не пытайся ее поднять.

— Даже если бы ты ее не привязал, я бы все равно не смог.

Хамунн отошел на несколько шагов от костра. Гейрмунн терпеливо ждал, затем окликнул брата. Хамунн вернулся и молча лег на сани, застонав от боли. Гейрмунн отдал ему последние куски оленины, которые жарил не то вчера, не то позавчера. Вспоминать было трудно.

— Где мы? — спросил Хамунн.

Гейрмунн уселся по другую сторону костра.

— Я рассчитываю завтра еще засветло добраться до усадьбы.

Брат перестал жевать.

— Ты что же, все это время волок меня на санях?

Гейрмунн подбросил в огонь еще несколько веток орешника, подняв сноп искр и струю терпкого, пахнущего орехами дыма.

— А что мне оставалось? Ты был слишком ленив, чтобы идти.

— Это точно, — засмеялся Хамунн и тут же поморщился от боли. Он потянулся за вторым куском мяса. — Боюсь, я и сейчас еще слишком ленив.

В глазах брата сквозила гордость и тревога. Его мысли Гейрмунн знал, как свои собственные. У Хамунна не было сил идти, однако он не хотел становиться обузой.

— Еще один день для меня — пустяк, — пожал плечами Гейрмунн.

— Зато для меня не пустяк, — сказал Хамунн. — Это же я изъеден блохами.

— Ты и раньше был ими изъеден. Твой блошиный клан и клан волков могут сойтись на альтинге.

Хамунн усмехнулся и снова поморщился:

— Не смейся меня.

— Когда мы двинемся дальше, вряд ли у тебя будут причины смеяться.

Гейрмунн встал, набрал охапку влажных листьев и забросал костер, после чего затоптал оставшиеся угли, погрузив заросли орешника во тьму.

— Готов? — спросил он брата.

Хамунн посмотрел на усыпанное звездами небо, словно пытаясь определить, скоро ли рассвет.

— Уже?

— Да. Думаю, пора. — Гейрмунн стряхнул приставшие к рукам листья. Его голос зазвучал серьезнее, чем ему хотелось. — Тебе нужен более умелый врачеватель, нежели я.

Хамунн неторопливо кивнул:

— Тогда и впрямь пора.

Гейрмунн снова, в последний раз, прикрепил брата к саям, но у проснувшегося Хамунна эти действия вызвали боль и стоны. Гейрмунну стало очень жалко брата. Хамунн, со своей стороны, ни единым словом не посетовал на тяготы, только плотно сжал губы и закрыл глаза, выдерживая пытку. Но когда Гейрмунн закончил, вдруг попросил:

— Дай мне меч.

— Твой меч? — удивился Гейрмунн.

— Хочу держать его в руке.

Гейрмунн понял, чем вызвано желание брата, и постарался прогнать страхи.

— Судьба еще не закончила дел с тобой. И отец — тоже. Он бы сам отправился в Валгаллу, чтобы вернуть тебя из...

— Прошу тебя, брат. — Он раскрыл ладонь, прижатую к груди. — Мой меч.

Гейрмунн не знал, нужно это или нет, но не находил причин, чтобы отказать брату. Если Хамунн умрет раньше, чем они достигнут Авальсснеса, он хотел уйти с мечом в руках. Он мысленно поклялся опередить норн и не попасть под их ножницы. Потом отвязал меч Хамунна и вынул оружие из ножен. Лезвие меча было изготовлено из прекрасной стали, отлитой в земле франков. Отец подарил Хамунну меч накануне его первого морского плаванья. Насколько Гейрмунн знал, этот меч еще не пролил

крови ни человека, ни зверя. Рукоять меча от головки до упора украшала инкрустация в виде золотых и серебряных завитков. Они смыкались, образуя реку, холодно сверкающую под светом звезд.

— Если выронишь, я подбирать не буду, — с напускной суровостью предупредил Гейрмунн.

— Знаю.

Гейрмунн подсунил конец лезвия под ремень, стягивающий колени брата. Не лишняя предосторожность, если пальцы Хамунна вдруг ослабеют. Проделав это, он вложил рукоять в руку брата.

— Спасибо, — прошептал Хамунн, сжав меч и подтянув ближе к сердцу.

Гейрмунн молча кивнул и нагнулся, чтобы снова надеть упряжь на плечи. И тут же веревки с удвоенной свирепостью врезались в плечи. Интересно, сможет ли он после этого путешествия грести веслом, когда настанет время плавать на собственном корабле?

— По-моему, ты стал легче, — сказал он брату. — Спасибо, что избавился от мочи и дерьма.

Хамунн засмеялся. Потом к смеху примешался стон, а дальше оставались только стоны. Стоны не умолкли, когда Гейрмунн потянул сани и те медленно стронулись с места.

Гейрмунн шел по полосе низменностей, тянущихся между Олфьордом на севере и Шольдафьордом на юге. Он старался выбирать ровные участки. Но вокруг по-прежнему было темно, а потому на пути неизбежно попадались кочки и выбоины. С каждой встряской Хамунн стонал громче. Большую часть ночи Гейрмунн сверялся с курсом по звездам, но перед самым рассветом звезды затянуло облаками. Загремел гром, хлынул дождь. Но даже тогда Хамунн молчал, не жалуясь, что Гейрмунн постоянно спотыкается на скользкой земле, накрывая сани. Гейрмунн даже остановился и проверил, не потерял ли брат сознание. Оказалось, что нет. Просто Хамунн стоически выдерживал тяготы пути.

Брат лежал, устремив лицо к небу и закрыв глаза. Дождевые капли блестели у него на ресницах.

— Лицо мне прикрой, — попросил он сквозь стиснутые зубы.

— Сейчас. Как-то не догадался. — Гейрмунн растянул капюшон плаща Хамунна, прикрыв брату лицо до самого носа. — Так сойдет?

Хамунн едва заметно кивнул. Костяшки пальцев, сжимавших меч, побелели.

Гейрмунн вздохнул и, словно бык, снова впрягся в веревочное ярмо. Холодный дождь хлестал по нему, проликая сквозь швы плаща под мех и кожу нижней одежды. Но места здесь были обжитыми, с хуторами и дорогами. К юго-востоку серым горбом поднималась каменистая гряда. Гейрмунн намеревался обогнуть ее и идти дальше на юг, к берегам Шольдафьорда. Он не заметил, как рассвело. Дождь уже не лил, а моросил. С холмов наплывал туман, стелясь над низинами и водой. Гейрмунн шел вдоль берега фьорда, потом вдоль берега озера.

Наличие дорог облегчило бы путь, если бы не дождь, превративший их в болота. Земляная жижа чавкала под сапогами Гейрмунна. В ней тонули, покрываясь комьями мокрой земли, концы санных шестов. Гейрмунн напрягался изо всех сил. Его шаги замедлились, а сердце было готово разорваться от напряжения. Дважды ноги проваливались в грязь, как в болотную топь, увлекая его и сани. На третий раз Гейрмунн рухнул и остался лежать, не зная, сумеет ли подняться.

— Ты домов в окрестностях не видишь? — спросил Хамунн. — Или мест, где можно укрыться?

— Пока не вижу, — ответил Гейрмунн. Он прижимал руку к груди, стараясь выровнять дыхание. Меж тем его ноздри улавливали запах дыма. — И даже... даже будь здесь дома, мне все равно пришлось бы идти за врачом-телем... время потерял бы.

Гейрмунн нащупал колени и, надавив на них, встал.

— Я бы дождался врача-телема, — сказал Хамунн. — Разыщи подходящее место, оставь меня там и иди.

— Я не оставляю тебя нигде, — возразил Гейрмунн, снова впрягаясь в сани.

— Ты не можешь...

— Я же сказал, что нет. — Гейрмунн попытался повысить голос, но лишь сбил дыхание. — Здесь я тебя не брошу.

Он подумал съехать с дороги и двигаться по кромке поля, однако тут же отказался от этой затеи. Окрестные ячменные поля, с которых сняли урожай, выглядели еще менее проходимыми. Значит, придется и дальше двигаться по дороге, месить грязь и вязнуть в ней, даже если он упадет еще тысячу раз. Вскоре Гейрмунн перестал различать расстояние между дальними холмами и деревьями. Его внимание сосредоточилось на расстоянии между нынешним шагом и следующим. Все мысли крутились только вокруг движения. Его походка слабела. Гейрмунн старался об этом не думать. Он все отчетливее сознавал, что долго ему не продержаться и что родного дома им обоим не видать. Но Гейрмунн гнал от себя эти мысли и продолжал идти.

Мало-помалу дождевые тучи рассеялись, и над мокрым миром засияло солнце. Подойдя к северной оконечности Фёрресфьорда, Гейрмунн повернул на юго-запад и пошел вдоль берега к проливу Кармсунн и дому. Потеплело, но перемена погоды не обрадовала Гейрмунна. Теперь ему приходилось щуриться от солнца, сверкавшего в бесчисленных дорожных лужах.

— Слышишь? — вдруг спросил Хамунн.

— А что я должен слышать?

— Лошади. Всадники.

Гейрмунн остановился. В ушах шумело от напряжения и усталости. Он напряг слух. Хамунн был прав. Путники проезжали недалеко — за ближайшим поворотом дороги. Ветер доносил их голоса. Путники проклинали дождь и раскисшую дорогу.

— Разбойники так не горланят, — сказал Хамунн и снова оказался прав.

Разбойники не ездили по дорогам, а лишь делали засады в пустынных местах, убивая и грабя путников. Раньше,

чем Гейрмунн решил, не будет ли благоразумным съехать с дороги, из-за поворота показались всадники. Увидев Гейрмунна и сани, всадники окликнули его. Гейрмунну показалось, что он узнал грубый голос Стейнольфура. Может, он уже спятил или бредит наяву? Однако всадники устремились к нему, и, когда приблизились, Гейрмунн увидел не только Стейнольфура, но и его юного подопечного Шальги — парня со шрамом над левым глазом. С ними было еще четверо людей из Авальсснеса. Они легко одолели оставшееся расстояние. При виде знакомых лиц Гейрмунн едва не зашатался от облегчения.

— Стойте! — крикнул Стейнольфур, натягивая поводья и останавливаясь в нескольких шагах. — Гейрмунн, никак ты?

— Я, — ответил Гейрмунн, у него дрожали руки.

— Что за странные сани ты волочешь? — Стейнольфур спешился и подошел к нему. — И где Хамунн?

— Лежит на странных санях, — ответил Хамунн.

Шальги тоже спешился. Оба подбежали, готовые взяться за концы санных шестов. Им пришлось навалиться и ослабить шесты, и дело было не в упрямстве Гейрмунна. Он просто не мог разжать онемевшие пальцы. Тогда Шальги принял на себя вес саней, а Стейнольфур тем временем снял веревки с плеч Гейрмунна.

— Клянись богами, — прошептал Стейнольфур, заглядывая Гейрмунну в глаза. — Что с вами приключилось?

— Волки напали, — сказал Хамунн.

— Волки? — удивился Шальги, приподнимая санные шесты. — Где?

— В нескольких днях пути отсюда, — пояснил Гейрмунн. — Близ Олунна.

— Близ Олунна? — покачал головой Стейнольфур. — Вы же собирались охотиться на белок. Ваш отец разослал поисковые отряды, но не в такую даль, как Олунн.

— Нам захотелось добычи покрупнее, чем белки, — сказал Хамунн.

— Стейнольфур, послушай меня. — Гейрмунн вспомнил, что до сих пор не сказал главного. — У моего брата

большая рана ниже правой подмышки. Ему нужна помощь врача.

— Верхом ехать сможешь? — спросил Стейнольфур, взглянув на лежащего Хамунна.

— Смогу, только очень недолго.

— Пусть кто-нибудь возьмет его к себе в седло, — сказал Гейрмунн.

Отозвался всадник по имени Эгил:

— Моя лошадь выдержит Адскую Шкуру.

Гейрмунн пропустил мимо ушей ненавистное прозвище, которым еще в детстве наградили их с братом. Правда, никто, кроме них, не считал прозвище очень уж оскорбительным.

Стейнольфур кивнул:

— У Эгила самая сильная лошадь.

Он велел Шальги отвязать Хамунна, затем снова повернулся к Гейрмунну:

— А с тобой что? Как вижу, у тебя ранена рука.

Гейрмунн только сейчас вспомнил о своей ране. Кровь на рукаве давно высохла, смешавшись с грязью там, где волчьи зубы вырвали клочья кожаного плаща и шерстяной рубашки.

— Я ее толком и не осматривал.

— Отправим твоего брата, а потом я осмотрю твою руку, — сказал Стейнольфур.

Эгил подъехал на могучем златогривом жеребце, шкура которого тоже была золотистого цвета. Остальные всадники спешили, подняли Хамунна и усадили впереди Эгила. Убедившись, что Хамунн крепко сидит в седле, Стейнольфур обратился к отряду:

— Мы с Шальги тут немного задержимся с Гейрмунном. А вы поезжайте. Еще до захода солнца Хамунн должен быть в усадьбе конунга Хьёра.

Всадники молча кивнули и, не мешкая, тронулись в обратный путь, увозя Хамунна. Из-под копыт в воздух вздымались комья земли. Гейрмунн смотрел вслед удалявшейся процессии.

— Я должен ехать с ним, — сказал Гейрмунн. — Мы должны...

— Никуда ты не поедешь, пока я не осмотрю твою руку.

Стейнольфур отвел Гейрмунна под тень раскидистого ясеня. Гейрмунн слишком устал, а потому даже не противился.

— А потом ты расскажешь, почему поволок Хамунна домой, не бросив умирать там, — добавил Стейнольфур.

Кирби М. Дж.

К 43 Assassin's Creed. Валгалла : Сага о Гейрмунне : роман / Мэтью Дж. Кирби ; пер. с англ. И. Иванова. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. — 416 с.

ISBN 978-5-389-18816-7

Девятый век. Нравы у народов Скандинавии просты и суровы, под стать северной природе. Набеги на богатые земли — вполне достойное занятие, воспеваемое скальдами, и мальчишки мечтают повторить разбойничьи «подвиги» отцов и дедов.

Сын конунга Хьёра, семнадцатилетний Гейрмунн, прозванный Адской Шкурой за смуглую кожу, тоже мечтает о добыче и славе. На родине его ждет участь младшего сына — быть на вторых ролях. И когда в доме его отца появляется датский ярл, зовущий Хьёра на завоевание Англии, юноша усматривает в этом свой шанс.

Но как быть с тем, что кузнец Вёлунд из подводного царства, а затем и вёльва-предсказательница предрекли ему горечь предательства и позор капитуляции?

Впервые на русском!

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445

Литературно-художественное издание

МЭТЬЮ ДЖ. КИРБИ

ASSASSIN'S CREED

ВАЛГАЛЛА

САГА О ГЕЙРМУННЕ

Ответственный редактор Геннадий Корчагин
Редактор Юлиана Лебединская
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректоры Юлия Теплова, Маргарита Ахметова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 23.12.2020. Формат издания 84 × 108^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 6000 экз. Усл. печ. л. 21,84.
Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

H-ACR-27456-01-R